

The background of the entire page is a dramatic, dark painting of a stormy sea. A massive, curling wave of deep blue and black water dominates the upper and middle portions of the image. In the lower center, a small, crowded boat with several figures is struggling against the turbulent water. The overall mood is one of intense power and peril.

Сказки Мишоги

Книга 2
- Игры мироздания -

Александр(Мишогу) Юшкин

Александр(Мишогу) Юшкин

**Сказки Мишоги. Книга
2. Игры мироздания**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Юшкин А. Н.

Сказки Мишоги. Книга 2. Игры мироздания /
А. Н. Юшкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга вторая из серии "Сказки Мишоги" об играх мироздания. В которых люди принимают участие, даже не подозревая об этом. Рассказы о реальных событиях. С точки зрения человека, знающего и понимающего устройство мироздания. С эзотерической точки зрения. Не для быстрого чтения. Пожалуйста, оставляйте комментарии. Для меня это очень важно, вероятно, для Вас тоже.

© Юшкин А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Сказка первая: «Зачем?»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сказка первая: «Зачем?»

Где-то, когда-то, кто-то, – геройски погиб.

Прикрывая собою...

– Господи, – почему? «Нахрена», – всё это? И почему, это, – именно со мной? Зачем?

Эти вопросы, волновавшие философов на протяжении долгих столетий, – задавал Серёга. Лёжа на больничной койке. Полностью «забинтованный», и в гипсе.

Странное существо, – мужик. Пока не окажется в гипсе или бинтах, таких вопросов не задаёт. А когда рискует, по работе, или по какой другой причине, думает, что ему точно повезёт, или вообще не задумывается о травмах и инвалидности.

Пришёл Саня, обросший и не расчёсанный, своим видом пугавший женский персонал больницы. Стукнул ногой по кровати, – не сильно.

– Чё, жалеешь себя? Лежишь, весь такой святой, и думаешь, – почему это с тобой произошло, зачем?

Сергей, удивлённо и злобно, «зыркнул» на Саню.

Тот перехватил его взгляд, и обрадовался: «Думаешь! Жалеешь себя, несчастного. Слезы проглатываешь. Я тоже так лежал и тоже так думал. Тебе ещё повезло, стоял бы поближе, всё, был бы инвалидом, а переломы срастутся и мясо зарастёт». Он сделал злобное лицо, и наклонился к Сергею: «А почему ты, не стоял поближе?». Сергей от злости прищурился. Ведь сказать, и сделать ничего не может, весь в бинтах и гипсе.

– Хочешь знать? Как один дед пояснил: *«Мужская жизнь проходит под постоянным риском стать инвалидом. И тут уж мироздание решает, куда тебя сортировать и к чему готовить, и как разыграть твою карту».*

– Кстати, я тут «мумиё» тебе притащил, чтоб кости лучше срастались и швы на шкуре крепче зарастали. Патологоанатом посоветовал. Можешь обижаться, можешь, нет, но мне кажется, он не хочет тебя потрошить. В кишках твоих рыться, мозг изучать.

Сделал задумчивое лицо.

– Странно, – чем ты хуже других? Или лучше, – ехидным голосом, и вслух, размышлял он.

У Серёги аж гипс раскалился от злости. Он не догадывался, что Саня делает ему «психическую инъекцию». Для поднятия сопротивляемости организма. Иногда шахтёры так делают.

– Давай лучше про деда этого расскажу.

Посмотрел на Сергея, который даже «мама» сказать не мог. И сказал, прокурорским, голосом: «Молчание знак согласия».

– Эй, ты хоть живой, а то я может быть, уже двадцать минут с трупом разговариваю.

И потыкал Сергея пальцем.

– ЫЫЫЫ, – донеслось из-под бинтов.

– Живой, – обрадовался Саня, – не труп.

И подмигнул медсестре, дежурившей у кровати.

– Так вот про деда.

– В шахте, – на Севере. Монтировали мы как-то привод конвейера, в проходческом забое. А короче и понятней, из железок тяжёлых собирали механизм. Из разных железок, весом от двухсот килограмм до пятисот. А у нас в наличии только ручные «тали», – лебёдка такая. Корячимся над этой работой втроём, звено проходчиков, надо поднять одну железку на метра полтора – два, пододвинуть ломami, и прикрутить болтами к другой железке. И так потихонечку собираем механизм. Вот одна из железок сорвалась, и по моему, умному, лицу

ударила. Вскользь. Порвало только кожу, стоял бы ближе, из меня получился бы умный, но некрасивый инвалид. А ещё ближе, на сантиметр, измазанный в шахтной грязи кровавый труп, – неумный. Потому что мозги валялись бы на почве.

– В больнице, доктор зашивал, а сестричка – ассистентка, почему-то нервничала и переживала, чтоб нос ровно получился. Ну, что из этой затеи получилось, ты видал у меня на лице. Надеюсь, и сейчас видишь, но молчишь.

– Это сейчас не очень страшно выгляжу, а первое время – жуть.

– Пока на «больничном» был, по травме, – отпуск подошёл. Собрался я на «юга» съездить, отдохнуть на солнышке. Но мужики не советовали с таким лицом ехать, – народ пугаться будет. Поэтому я в деревню решил ехать, поживу один – как монах. Билет купил плацкартный, «купе» не было, и поехал. Мечтая отдохнуть от суеты. Молочка, из-под коровы, попить. Рыбку на удочку половить, за временем не следить. Эх, да что там говорить, – мечта любого шахтёра, или поэта.

– Поезд «пассажирский», – возле каждого столба останавливается. Сажу, в окошко смотрю, – интересно. Всё время самолётом летал. А тут люди разные едут, – выходят, другие садятся. На остановках бабушки картошкой варёной торгуют, огурчики малосольные, грибочки маринованные. На других остановках, ягоды из лесу, грибы свежие, бывает, – рыбу вяленую торгуют. Иногда в лесу остановимся, постоим и дальше едем, зачем останавливались, кого ждали, – непонятно.

– Вот на одной из таких остановок сел в вагон дед, и расположился в моём купе.

– Сергей, – представился дед.

– Он был среднего роста, седой и волосатый, руки сильные и волосатые, даже из ушей густые, седые волосы растут. И двигается, будто перекачивается, как ртутный шарик. Глаза, на удивление, – синие. Лицо доброе, совсем как домового, из народных сказок.

– Я чай заварил. К чаю изюм приготовил, шоколад самодельный, как положено, с тёртыми орехами. Пьём чай не торопясь. Глядим в окошко вагона, разговариваем. Пообщались немного. Он смотрит на меня: «И где тебя так?».

– Да, – в шахте.

И рассказал, что да как, про сантиметры, которых не хватило до инвалидности, или до смерти.

– Бог миловал, – говорю, – обошлось.

Сергей и говорит: «Да нет, не миловал. Видно мироздание, тебя, к чему-то другому готовит».

– Что-то неохота мне подвиги совершать, – шучу я.

– А к подвигам, заранее никто не готовится, само как то складывается, – ответил он.

И достал бутылку.

– Самогон будешь?

– Нет, в дороге не пью, – отвечаю.

– Дед пожал плечами, достал рюмку, налил, и сразу выпил, – закусывать не стал. Молчим, – смотрим в окно. Переезжаем речку, – коровы на водопой пришли. Поезд тащится медленно, – можно всё хорошо разглядеть. Переехав мост, остановились. Полустанок, какой-то, будка железнодорожника и всё. Будка красиво покрашена. Замысловатая ограда вокруг будки. Чуть поодаль, среди побеленных деревьев, стоит небольшой монумент.

«Памяти погибших воинов». Освобождавших эти места от «фашистов».

– У нас в деревне, крест стоит, над братской могилой – «Памяти погибших инвалидов».

– Я молчу.

– Во время войны поставили, сразу после...

– Он посмотрел на меня, попросил чайку заварить – свежего. Заварил, сидим, ждём когда запарится. Дед задумался о чём-то. Я не тревожу. Разлил в чашки, пьём. Молчим. У

мужиков бывает так, каждый о своём молчит. Дед не просто молчал, видно было, – вспоминает что-то.

– Это было в войну последнюю, – «Отечественную». Когда Гитлер объединил Европу, а до него Наполеон объединял и войной на нас шёл.

Я слушаю, не переспрашиваю.

– Вся Европа работала на него, вооружение и солдат поставляла, – на Гитлера.

– «Все побывали тут», – он кивнул за окно.

– Когда наши отступали, в начале войны. Мужики ушли с войсками, остальные в лес, – парни, деды. Скотину уводили в леса. Девушки лазарет в лесу соорудили. Получился маленький лесной колхоз.

– В деревне Бабы с детками малыми и инвалиды при них остались, хоть какая-то подмога от них будет. Мужикам немного обидно, и как-то не по себе, а что поделаешь, многие из них даже воды принести в ведре не могут, не то что – партизанить.

– Старшим над инвалидами был, – «Рабина». Из донских казаков. Как в «гражданскую», порубали его шашками под рябинами. Выжил, и остался жить в деревне. Двигается тяжело и медленно, но «горластого» и отважного, казака в нём видно сразу.

– Другие, тоже немощные. Кто по глупости под косу попал, кто под брёвна. Одного медведь поломал. Да мало ли у мужика причин стать инвалидом. Тяжкая это доля. Вроде и здоровье есть, а работать не можешь. И чувствовать себя обузой.

– И каждый из них, наверняка, задавался вопросом: «Почему это с ним? За что? Зачем?».

– *Так вероятно заведено, чтоб мужик ходил по краю пропасти. Кто-то проскакивает, а кому-то другая судьба.*

– Пришли «немцы», свои порядки принесли, оброк установили.

– Деревня как бы дыхание остановила. Не хочется дышать одним воздухом с этими... Время, тоже каким-то резиновым кажется. Каждая минута под бременем оккупантов долго, и изматывающе тянется. И очень хочется, избавиться от этих «нелюдей», или хотя бы навредить им, каким-нибудь способом.

– Вот, в одно весеннее утро приехали каратели, или полицаи. Мстить за партизанские вредительства.

– Согнали всю деревню, абсолютно всю. Загнали в большой, дощатый сеновал. Последними зашли «немощные». После обыска деревни, открыли ворота и зачитали приказ, о расстреле нескольких жителей деревни. И сразу стали брать первых, кто попался, и получилось так, что забрали они инвалидов. Да те и не таились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.